«КОГДА СУДЬБА ПОСТАВЛЕНА НА КАРТУ»

Окончание. Начало на стр. 1

Но не менее важны ситуации, в которых человек выбирает свой путь и определяет свое место в обществе. Для меня, например, судьба была поставлена на карту в августе 91-го, когда я, сам не зная почему, пошел на баррикады у Белого дома. В октябре 93-го я в боевых действиях не участвовал, но сдавал кровь. На мой взгляд, это оказалось самым верным решением, поскольку в том конфликте не было ни победителей, ни побежденных. Были и другие ситуации, когда приходилось все ставить на карту. В начале 90-х, например, предлагали возглавить геофизическую лабораторию в Израиле, но я не захотел покинуть свою страну. Так что название книжки не случайно. К тому же эти слова относятся не только ко мне, но и к любому человеку, наверное.

— Карузо, говорят, однажды пришлось спеть в доказательство того, что он действительно великий тенор. Вам доводилось доказывать, что вы — Городницкий?

— А зачем доказывать: паспорт всегда с собой. Другое дело, люди часто не знают, что Городницкий написал строчки, которые они считали народными. Многие мои песни живут теперь своей жизнью, не зависящей от меня. «Веселая» история приключилась с песней «От злой тоски не матерись». Однажды на Кольском полуострове геологи показали мне могилу ее «автора» — якобы Городницкого. Я не стал им называть свою фамилию, иначе там стало бы одной могилой больше. Ходили слухи, будто человек, написавший эту песню, умер в Норильске, погиб в лагерях на Колыме... Но я, к счастью, еще жив.

Недавно видел эротический романчик, переведенный с английского. Герой этой книги цитирует мою «Жену французского посла» и рассказывает о своем друге — русском летчике, который был сбит во Вьетнаме, но выжил и впоследствии стал путешествовать по всему ми-

ру. Дескать, в песне он описал свой роман с женой французского посла в Сенегале. Дело действительно было именно там, только эту мадам я видел лишь раз в жизни, да и то в бинокль с расстояния в несколько сот метров. А вернувшись на корабль, написал такую дурацкую песню, вокруг которой потом стали появляться какие-то легенды. В общем, ничего у меня с той французской женщиной не было — а жаль...

— Вы можете гордиться тем, что ваша песня попала в эротический роман...

— Безусловно. Был бы помоложе, гордился бы еще больше...

— По политической части вы долгое время были невыздным. Как же вам удалось объездить пол-мира?

Невыздным я стал в 1968 году, когда в КГБ пришел донос на меня, Довлатова, Бродского и других. Но по научной линии мне был дан «зеленый свет»: все-таки образ советского человека я не позорил, спиртным не злоупотреблял и не стремился остаться «за бугром». В моем случае, как ни странно, политика и наука не пересекались.

— Ваша автобиография называется «След в океане». Как вы думаете, вам удастся оставить после себя этот след?

— Не мне об этом судить. Потому я так и назвал книгу, что в океане следов не бывает. «Но поражения от победы ты сам не должен отличать», — писал Пастернак. Пусть читатели решат, оставил ли я какой-то след.

— Вы пишете стихи и песни почти 50 лет. Неужели литература так и не превратилась из хобби в профессию?

— Мне трудно сказать, что есть хобби, а что — профессия. Я стараюсь делить время между поэзией и наукой. Правда, с возрастом это не очень получается. Но я надеюсь написать еще что-нибудь. Ведь научное открытие может сделать любой человек: не будь Эйнштейна, теорию относительности открыл бы кто-то другой. В литературе все совсем иначе: то, что сочинил ты, больше не напишет никто.

Дмитрий ЗЛОДОРОВ